

UDC: 811.161.1.; 355/359; 37.01

LBC: 81.2rus-9; 68.49; 74.04

MJ № 435

 10.33864/2617-751X.2026.v9.i1.197-210

WATER DIPLOMACY BETWEEN TURKEY, SYRIA, AND IRAQ (1990-2000)

Farman Amirov*

Abstract. The issue of water diplomacy between Turkey, Syria, and Iraq from 1990 to 2000 represents a complex and multifaceted aspect of international relations. The aim of this paper is to identify the key factors influencing water diplomacy and to assess the impact of regional instability and international actors on the negotiation processes between Turkey, Syria, and Iraq. We attempt to trace the evolution of hydrodiplomacy in the basin from confrontation to potential mechanisms for joint water resource management. Our analysis leads us to conclude that over the past 35 years, water diplomacy between Turkey, Syria, and Iraq has evolved from a quasi-military standoff to cautious but sustainable cooperation. In general, resolving the water problem between Turkey, Syria and Iraq requires a transition from bilateral, ad hoc agreements to multilateral, regional, institutionalized basin management, with the participation of all parties and taking into account new climatic, environmental and socio-economic realities.

Keywords: Turkey, Syria, Iraq, Euphrates-Tigris river basin, hydrohegemony, water diplomacy

* Dissertation candidate of the Department of “Political Science and International Relations” of the Western Caspian University; Baku, Azerbaijan

E-mail: farmanamirov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5470-5995>

To cite this article: Amirov, F. [2026]. WATER DIPLOMACY BETWEEN TURKEY, SYRIA, AND IRAQ (1990-2000). *“Metafizika” journal*, 9(1), pp.197-210.

<https://doi.org/10.33864/2617-751X.2026.v9.i1.197-210>

Article history:

Received: 16.12.2025 **Revised:** 05.01.2026 **Accepted:** 02.02.2026 **Published:** 15.03.2026

Copyright: © 2025 by AcademyGate Publishing. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the CC BY-NC 4.0. For details on this license, please visit

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>.

УДК: 811.161.1.; 355/359; 37.01

ББК: 81.2рус-9; 68.49; 74.04

МЖ № 435

 10.33864/2617-751X.2026.v9.i1.197-210

ВОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ, СИРИЕЙ И ИРАКОМ (1990-2000)

Фарман Амиров*

Аннотация. Проблематика водной дипломатии между Турцией, Сирией и Ираком в 1990-2000 гг. представляет собой сложный и многогранный аспект международных отношений. Цель данной статьи – определить ключевые факторы, влияющие на водную дипломатию, а также оценить воздействие региональной нестабильности и международных акторов на переговорные процессы между Турцией, Сирией и Ираком. В статье предпринята попытка проследить эволюцию гидродипломатии в данном бассейне – от конфронтации до потенциальных механизмов совместного управления водными ресурсами. Проведённые анализы позволяют прийти к выводу, что за последние 35 лет водная дипломатия между Турцией, Сирией и Ираком трансформировалась от квазивоенной конфронтации к осторожному, но устойчивому сотрудничеству. В целом, решение водной проблемы между Турцией, Сирией и Ираком требует перехода от двусторонних, ситуативных соглашений к многостороннему, региональному, институциональному управлению бассейном при участии всех сторон и с учётом новых климатических, экологических и социально-экономических реалий.

Ключевые слова: Турция, Сирия, Ирак, бассейн рек Евфрат и Тигр, гидрогегемония, водная дипломатия

* Диссертант кафедры “Политические науки и международные отношения” Западно-Каспийского Университета; Баку, Азербайджан

E-mail: farmanamirov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5470-5995>

Цитировать статью: Амиров, Ф. [2026]. ВОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ, СИРИЕЙ И ИРАКОМ (1990-2000). Журнал «Metafizika», 9(1), с.197-210.

<https://doi.org/10.33864/2617-751X.2026.v9.i1.197-210>

История статьи:

Поступила: 16.12.2025 Переработана: 05.01.2026 Принята: 02.02.2026 Опубликовано: 15.03.2026

Copyright: © 2025 by AcademyGate Publishing. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the CC BY-NC 4.0. For details on this license, please visit

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>.

UOT: 811.161.1.; 355/359; 37.01

KBT: 81.2rus-9; 68.49; 74.04

MJ № 435

 10.33864/2617-751X.2026.v9.i1.197-210

TÜRKİYƏ, SURİYA VƏ İRAQ ARASINDA SU DİPLOMATİYASI (1990-2000)

Fərman Əmirov*

Abstrakt. 1990-2000-ci illərdə Türkiyə, Suriya və İraq arasında su diplomatiyası məsələsi beynəlxalq münasibətlərin mürəkkəb və çoxşaxəli aspektini təmsil edir. Bu məqalənin məqsədi su diplomatiyasına təsir edən əsas amilləri müəyyən edərək və Türkiyə, Suriya və İraq arasındakı danışıqlar proseslərinə regional qeyri-sabitliyin və beynəlxalq aktyorların təsirini qiymətləndirməkdir. Məqalədə sözügedən hövzədə hidrodiplomatiyanın qarşılıqlıdan su ehtiyatlarının birgə idarə olunması üçün potensial mexanizmlərə qədər təkamülünü izləməyə cəhd göstərilmişdir. Təhlillərimiz bizi son 35 ildə Türkiyə, Suriya və İraq arasında su diplomatiyasının kvazi-hərbi qarşılıqlıdan ehtiyatlı, lakin davamlı əməkdaşlığa çevrildiyi qənaətinə gəlməyə imkan verir. Ümumiyyətlə, Türkiyə, Suriya və İraq arasında su probleminin çözümü bütün tərəflərin iştirakı ilə və yeni iqlim, ekoloji və sosial-iqtisadi reallıqlar nəzərə alınmaqla ikitərəfli, situativ sazişlərdən çoxtərəfli, regional, institusional hövzə idarəçiliyinə keçidi tələb edir.

Açar sözlər: Türkiyə, Suriya, İraq, Fərat-Dəclə çayları hövzəsi, hidrohegemonluq, su diplomatiyası

* Qərbi Kaspi Universitetinin “Siyasi elmlər və beynəlxalq münasibətlər” kafedrasının dissertantı; Bakı, Azərbaycan
E-mail: farmanamirov@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5470-5995>

Məqaləyə istinad: Əmirov, F. [2026] TÜRKİYƏ, SURİYA VƏ İRAQ ARASINDA SU DİPLOMATİYASI (1990-2000). “Metafizika” jurnalı, 9(1), səh.197-210.

<https://doi.org/10.33864/2617-751X.2026.v9.i1.197-210>

Məqalənin tarixçəsi:

Daxil olub: 16.12.2025 **Yenidən baxılıb:** 05.01.2026 **Təsdiqlənib:** 02.02.2026 **Dərc olunub:** 15.03.2026

Copyright: © 2025 by AcademyGate Publishing. This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the CC BY-NC 4.0. For details on this license, please visit

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>.

1. Введение

Вопрос водной дипломатии между Турцией, Сирией и Ираком в период с 1990 по 2000 годы представляет собой сложный и многогранный аспект международных отношений, затрагивающий как экологические, так и политические проблемы. Основная идея статьи заключается в анализе динамики взаимодействия этих стран в контексте управления трансграничными водными ресурсами рек Тигр и Евфрат, что является важным фактором для обеспечения устойчивого развития и безопасности в регионе. Целью данной работы является выявление ключевых факторов, влияющих на водную дипломатию, а также оценка влияния региональной нестабильности и международных акторов на переговорные процессы между Турцией, Сирией и Ираком. Нами сделана попытка проследить эволюцию гидродипломатии бассейна от конфронтации к потенциальным механизмам совместного управления водными ресурсами.

С 1990-х годов, по мере наращивания Турцией инфраструктурных проектов на этих реках, водная дипломатия стала одной из центральных тем региональной политики. При этом попытки установить справедливый и устойчивый режим совместного пользования водой сталкивались с рядом структурных, политических и экологических проблем. Как следствие – водная политика стала не только источником напряжённости, но и возможной платформой для сотрудничества, особенно в периоды, когда ресурс всё более ограничен.

Прежде чем приступить к непосредственному изложению процессов за указанный хронологический период, хотелось внести ясность по поводу занимаемых тремя странами позиций по распределению водных ресурсов бассейна. Сирия и Ирак постоянно стремятся обеспечить необходимое количество воды для удовлетворения своих бытовых, сельскохозяйственных и промышленных потребностей, поскольку находятся в нижнем течении бассейна. Кроме того, они считают эти бассейны «международными водотоками», которые должны рассматриваться всеми прибрежными пользователями как единое целое. Тем самым они претендовали равные права на международные воды. Со своей стороны, Турция считает реки Евфрат и Тигр «трансграничными реками», которые находятся под её исключительным суверенитетом до тех пор, пока они не пересекут границу, а после слияния с рекой Тигр, образуя реку Шатт-эль-Араб, становятся международной рекой. Более того, Турция отказывает странам, расположенным ниже по течению, в праве совместного суверенитета над водами страны, расположенной выше по течению, и наоборот. Вдобавок, Турция рассматривает бассейны рек Тигр и Евфрат как единый бассейн, поскольку они объединяются,

образуя реку Шатт-эль-Араб, а также благодаря массовому перетоку воды между реками Тигр и Евфрат через систему Тартар, в то время как Сирия и Ирак считают их двумя отдельными бассейнами [Çarkoğlu., Eder., 2001, с.58]. От того, как будут классифицированы указанные реки, зависело распределение их ресурсов; в то время как международные (пограничные) реки должны быть разделены «поровну» между прибрежными странами, вода трансграничных рек подлежала «справедливому» распределению [Kibaroglu, 2014, с.155]. А так как не существуют четко разработанные и всеми принимаемые критерии «справедливого распределения», данный принцип открывает широкие просторы для диаметрально разных интерпретаций.

2.Водная проблема между Турцией, Сирией и Ираком

В целом же Турция в своей водной дипломатии неофициально ссылается на так называемую доктрину Хармона, выдвинутую в 1895 году США в споре с Мексикой по поводу реки Рио-Гранде. Эта теория утверждает, что государство имеет абсолютные права на воду, протекающую по его территории (теория абсолютного территориального (государственного) суверенитета). Подобная точка зрения была прямо отвергнута международным трибуналом в 1957 году и не имеет правовой силы [Lorenz, 1999, с.2]. Государственный министр Турции в 1987-1991 гг. Кямран Инан, а позднее и президент Демирель заявляли, что Турция обладает теми же правами на воды Евфрата, что и арабы на свою нефть [Scheumann, 1998, с.127].

На данный момент более весомой в международном праве является теория ограниченного территориального суверенитета, наиболее полно воплотившаяся в Хельсинкских правилах использования вод международных рек (1966 г.) Ассоциации международного права [см.: Kibaroglu, 2002, с.128-136]. Четвертая статья данных правил гласит, что каждое государство бассейна имеет право на разумную и равноправную долю в полезном использовании общих вод. В пятой же статье в числе соответствующих факторов указывается, что степень удовлетворения нужд бассейнового государства не должна причинять существенный ущерб другому государству того же бассейна [Правила пользования водами международных рек, с.1-2]. В 2004 году Хельсинские правила были усовершенствованы в новом правовом акте Ассоциации международного права- в Берлинских правилах по водным ресурсам. В десятой статье данных правил подчеркивалось право бассейнового государства участвовать в управлении водами международного водосборного бассейна справедливым, разумным и устойчивым образом. Двенадцатая статья фактически является идентичной 5-й статье

Хельсинских правил [Берлинские правила по водным ресурсам, 2004, с.8].

Теория ограниченного территориального суверенитета, таким образом, основывается на утверждении, что каждое государство имеет право использовать воды общих рек, протекающих по его территории, до тех пор, пока такое использование не наносит ущерба правам и интересам соседних прибрежных государств [Kramer, Kibaroglu, 2011, с.216].

21 мая 1997 года Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков». Однако из 193 государств-членов ООН лишь 39 являются участниками Конвенции. Турция отказалась ратифицировать ее, мотивируя свое решение тем, что Конвенция не установила «примат фундаментальных принципов справедливого и разумного использования по сравнению с обязательством не причинять существенный ущерб» [Эюбов, 2009, с.190-191]. Следовательно, Турцию не устраивала то обстоятельство, что документ требовал предварительного одобрения водных проектов прибрежными государствами.

Таким образом, государства бассейна в географически асимметричных позициях склонны продвигать правовые принципы, которые соответственно противостоят друг другу, причем страны, расположенные выше по течению, поддерживают территориальный суверенитет и справедливое использование, а страны, расположенные ниже по течению, выступают за территориальную целостность и отсутствие ощутимого вреда (их) предыдущим использованиям [Williams, 2011, с.197].

Подходы и в целом позиция Турции классифицируется в качестве гидрогегемонических. Отметим, что гидрогегемония – это гегемония на уровне речного бассейна, достигаемая посредством стратегий контроля над водными ресурсами, которые реализуются посредством ряда тактик (например, принуждения, заключения договоров, формирования знаний и т. д.). При этом обладая превосходящей властью, гидрогегемон может выбрать либо «негативную» форму доминирующей гидрогегемонии, либо позитивную форму гидрогегемонического лидерства, при которой выигрывают все прибрежные государства [Zeitouna, Warner, 2006, с. 435, 437].

С 1982 по 1993-й год действовал Совместный технический комитет (СТК), куда входили представители Турции, Сирии и Ирака. Данная структура была призвана содействовать согласованию позиций сторон по устранению спорных моментов относительно распределений водных ресурсов бассейна рек Евфрат и Тигр. Хотя прибрежные государства обменивались техническими данными и информацией на регулярных

заседаниях СТК, им не удалось разработать бассейновый режим [Aldalooi, 2024, с.599]. Прибрежные страны не смогли договориться о формах сотрудничества, которые бы предусматривали комплексный подход к различным аспектам водопользования и потребностей. В результате вместо углубления сотрудничества между прибрежными государствами в 1990-х годах наблюдается ряд кризисов. Как правило, кризисы в отношениях были спровоцированы одним из двух факторов: либо значительным сокращением поставок воды со стороны Турции, либо отказом возобновить переговоры, после которого последовало усиление поддержки курдов со стороны Сирии [Daoudy, 2009, с.380].

3. Гидрогегемония Турции между Сирией и Ираком

Отметим, что война в Персидском заливе 1990 года положила конец экономическому сотрудничеству между Турцией и Ираком. До войны экспорт Турции в Ирак составлял около 1 миллиарда долларов, но после 1991 года он упал до 215 миллионов долларов. До 1990 года годовой доход Турции от транспортировки нефти составлял около 400 миллионов долларов. Однако в результате эмбарго ООН, наложенного на Ирак, турецко-иракская нефтепроводная система была закрыта, из-за чего в период с 1991 по 1996 год ежегодные потери Турции составили около 400 миллионов долларов [Sağsen, 2011, с.65-66].

Прерывание отношений оказало значительное влияние на водный спор. До войны в Персидском заливе Турция могла перетянуть Ирак на свою сторону в водном вопросе и изолировать Сирию в её резкой критике. Тогдашний премьер-министр Тургут Озал даже оправдывал ускорение работ по строительству плотины Ататюрк как редкое окно возможностей, появившееся после ирано-иракской войны [Çarkoğlu, Eder, 2001, с.61].

Разрыв экономических и политических связей с Ираком после войны означал, что Ирак и Сирия теперь могут объединиться в противостоянии ГАР и строительству плотины Ататюрк. Поэтому неудивительно, что во время заполнения плотины Ататюрк произошло обострение кризиса. 13 января 1990 года Турция временно вмешалась в течение реки Евфрат, чтобы наполнить водохранилище Ататюрк. Решение о заполнении водохранилища в течение месяца было принято гораздо раньше. Турция уведомила своих соседей, расположенных ниже по течению, о предстоящем событии к ноябрю 1989 года. В своей ноте Турция объяснила технические причины и представила подробную программу компенсации потерь. Однако правительства Сирии и Ирака заявили Турции официальный протест, называя действия последней «водным империализмом», и утверждали, что модели водопользования Анкары представляют угрозу сельскохозяйственным проектам, которые она

планировала реализовать в ближайшие годы. Они призвали к соглашению о совместном использовании вод Евфрата, а также к сокращению периода заполнения [Türkiye Cumhuriyeti Tarihi-III, 2023, с.648].

Министр иностранных дел Турции согласился снова ввести минимальную квоту в 500 м³/с после подписания Протокола о безопасности с Сирией в 1992 году, в котором обе страны обязуются бороться с терроризмом. Однако в 1993 году стоки вновь значительно сократились, и эта тенденция продолжилась и достигла кульминации с запуском плотины Биреджик на Евфрате, а также открытием каналов Шанлыурфы в 1994–1995 годах [Daoudy, 2013, с.380].

Другой кризис произошел в 1996 году после того, как Турция начала строительство плотины Биреджик на Евфрате. Плотина предназначена для регулирования уровня воды в Евфрате во время выработки гидроэлектроэнергии на плотине Ататюрка в часы пик, когда сток воды в нижнем течении реки достигал своего максимума. В декабре 1995 и январе 1996 года Сирия и Ирак направили турецкому правительству официальные ноты, в которых выразили свое несогласие со строительством плотины Биреджик, поскольку строительство плотины повлияет на количество и качество воды, поступающей в Сирию и Ирак. Турция открыто обвинила Сирию в поддержке РПК и отказалась инициировать какие-либо переговоры по водным ресурсам [Kibaroglu, Ünver, 2000, с.318].

Сирия и Ирак также развернули кампанию против Турции среди арабских стран, продвигая тезис о том, что реки Тигр и Евфрат исторически были арабскими реками, которые Турция у них отнимает. Например, после подписания кредитных соглашений на строительство плотины Биреджик на реке Евфрат Сирия начала лоббировать против строительства плотины в Лиге арабских государств и в декабре 1995 года добилась от Египта, Бахрейна, Кувейта, Омана, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов обращения к Турции с просьбой согласиться на равноправное распределение вод реки Евфрат с Сирией [Water in the Middle East: 1998, с.124].

Эти кризисы свидетельствуют о том, что начало реализации крупных проектов по освоению водных ресурсов привело к повышению спроса на воду в речной системе, что, в свою очередь, обострило напряженность между прибрежными государствами. С другой стороны, результаты серии переговоров оказались безрезультатными. Причиной этой неудачи стало то, что стороны не смогли достичь консенсуса по основным принципам и нормам (правам и обязанностям), которые могли бы стать основой переговорного процесса [Kibaroglu, Ünver, 2000, с.318].

Очередной кризис между Сирией и Турцией грянул в октябре 1998 года, поставивший страны на грань полноценной войны. В середине 1990-х годов Турция ожесточила позицию относительно поддержки сирийскими властями РПК. Однако, не сумев убедить сирийцев в необходимости прекращения поддержки террористического движения, она стала рассматривать возможности военных действий. Командующий Третьей турецкой армией, ответственной за оборону южной границы, выдвинул ультиматум: если Сирия в течение двух дней не прекратит предоставлять убежище руководству РПК, последуют военные действия. Ситуация была настолько накалена, что потребовалось посредничество Египта и Ирана. Осознавая, что две страны находятся на грани войны и, опасаясь синхронного выступления Турции и Израиля, правительство Хафеза Асада сочло необходимым закрыть штаб-квартиру РПК в Дамаске, а также лагеря организации на территории Сирии и выслать её лидера Оджалана из страны [Об обстоятельствах кризиса смотри: Gökcan, 2018, с.183-194]. Процесс улучшения отношений начался со встречи официальных лиц двух правительств в Адане 20 октября 1998 года, где было заключено соглашение. Согласно ему, Дамаск брал на себя официальные обязательства больше не допускать деятельности РПК на своей территории. Можно сказать, что с этого момента Сирия перестала использовать курдскую карту в качестве политического инструмента против Турции. Примечательно, что ожидания Сирии относительно использования реки Евфрат не были включены в соглашение, и Турция считала водный вопрос вопросом, который нужно решить позднее. Это означало, что Сирия отныне в водном споре могла рассчитывать только на благосклонность Турции. В этом контексте объем воды, предоставленный Турцией Сирии в 1998-1999 годах, значительно превысил обещанные 500 м³, составив около 982 м³/сек [Çarkoğlu, Eder, 2001, с.62].

Устранение фактора РПК как источника конфликта и напряженности в результате дипломатического урегулирования кризиса в октябре 1998 года проложило путь к позитивному развитию турецко-сирийских отношений, которые до 2011 года демонстрировали неуклонный рост. Подобное улучшение стало возможным во многом благодаря внешнеполитической конъюнктуре (конец биполярности, вторжение США Ирак), которая актуализировала вызовы безопасности для обеих стран. «Новое» иракское образование превратилось из экономического и стратегического партнёра по нефти и курдскому сепаратизму в непредсказуемого соседа, поддерживаемого могущественным американским оккупантом [Daoudy, 2013, с.141]. Столкнувшись с вероятностью фрагментации Ирака, грозившей созданием независимого

курдского государства на южных рубежах Турции, Анкара предпочла установить более тесные отношения с Сирией, которые и так значительно улучшились после подписания Аданского соглашения в 1998 году [Oktav, 2017, с.243]. Сближение позиций сторон благоприятствовало устранению и тех исторических споров, которые до того момента казались неразрешимыми. В 2000-х годах, когда сотрудничество стало налаживаться во всех областях, сирийское правительство начало менять карты, демонстрируемые в школах и официальных учреждениях, на которых Хатай был обозначен как сирийская территория, и объявило об отказе от своих претензий на Хатай. Тем временем Турция стала уделять первостепенное внимание сотрудничеству и не игнорировать требования Сирии в вопросах водных ресурсов [Gökcan, 2018, с.195].

Уже в самом начале 2000-х годов потепление отношений между Турцией и Сирией дала свои первые плоды. Присутствие президента Турции Ахмета Недждета Сезера на похоронах Хафеза Асада 13 июня 2000 года, официальный визит вице-преьера Сирии Абдулхалима Хаддама в Анкару в ноябре того же года свидетельствовали о позитивном развитии отношений [Maden, 2011, с.37]. Именно в начале XXI века наступила новая веха и в сфере водных отношений между двумя странами. Как и в 1960-начало 1970-х годах, водные проблемы перестали быть предметом политических спекуляций в турецко-сирийских отношениях, поскольку Сирия на деле положила конец использованию курдской карты, а Турция более сочувственно стала относиться к затруднениям своего соседа.

В начале 21-го века диалог в сфере водных ресурсов, которые велись между Администрацией регионального развития GAP (английская аббревиатура-GAP RDA) и Сирийской генеральной организации по освоению земель (GOLD), охватывал такие разрозненные вопросы, как управление качеством городской и сельской воды и развитие сельских районов (совместное управление ирригацией и сельскохозяйственные исследования). 23 августа 2001 года между GOLD и GAP RDA было подписано совместное коммюнике, в котором были обозначены все вышеуказанные направления сотрудничества [Kibaroglu, 2012, с.76]. После смерти Хафеза Асада наметились улучшения и в сирийско-иракских водных отношениях. В 2002 году Ирак и Сирия подписали двустороннее соглашение о строительстве сирийской насосной станции на реке Тигр для целей орошения [Aldalooi, 2024, с.601].

Турецко-сирийские отношения претерпели серьёзные изменения после прихода в Турции Партии Справедливости и Развития (ПСР) к власти 3 ноября 2002 года. Проводя активную внешнюю политику, ПСР взяла на себя инициативу по разрешению давних проблем Турции с соседними

странами и рассматривала региональную экономическую интеграцию как эффективный метод решения этих проблем. В то время как Турция рассматривала Сирию как ворота на Ближний Восток и союзника, способного поддерживать региональный баланс после вторжения США в Ирак, сирийская сторона рассматривала Турцию как ворота на Запад и возможность вывести Дамаск из региональной изоляции [Salık, 2023, с.170]. Необходимо учесть и то обстоятельство, что после терактов 11 сентября 2001 года администрация Дж. Буша включила Сирию в так называемую «ось зла», что превращала ее в потенциальную мишень атак США.

Стремление превратиться в мощную региональную державу сочеталось в те годы с желанием Турции стать членом Европейского Союза, поскольку считалось, что членство в ЕС откроет перед страной невиданные социально-экономические перспективы. С этой точки зрения и водная политика содержательно обогащалась, вбирая в себя некоторые нормы и установки европейских практик. Так, например, Турция согласовала свою водную политику в отношении Ирака и Сирии с Рамочной директивой ЕС по водным ресурсам; меморандумы с указанными странами, заключенными в 2008-2009-х годах, во многом отражали принципы этой директивы: управление водными ресурсами на уровне речного бассейна, установление стандартов выбросов, полное возмещение затрат со стороны загрязнителя вод [Kibaroglu, 2014, с.157].

Постепенно новые турецкие власти стали вносить некоторые коррективы и в водную стратегию. Был озвучен новый подход, открывающий иные перспективы в решении проблем трансграничных вод - совместное использование выгод. Вместо того, чтобы делить водные ресурсы путем простой арифметики, как того требовали Ирак и Сирия, Турция предложила разделить выгоды от проектов развития водных ресурсов и водных сооружений [Kibaroglu, 2014, с.160].

4. Заключение

Таким образом, 35 лет водная дипломатия между Турцией, Сирией и Ираком прошла путь от квазивоенного противостояния к осторожному, но устойчивому сотрудничеству. В целом решение водной проблемы между Турцией, Сирией и Ираком требует перехода от двусторонних, ситуативных соглашений к многостороннему, региональному, институционально оформленному управлению бассейном, с участием всех сторон и учётом новых климатических, экологических и социально-экономических реалий.

5. JIITEPATYPA

1. Aldalooi, L. H. (2024). Hydro-political relations between Turkey and Iraq over the Tigris and Euphrates rivers: Dyadic relationships and structure matter. *Middle East Critique*, 33(4), pp.593–609.
2. Çarkoğlu, A., & Eder, M. (2001). Domestic concerns and the water conflict over the Euphrates–Tigris River Basin. *Middle Eastern Studies*, 37(1), pp.41–71.
3. Daoudy, M. (2009). Asymmetric power: Negotiating water in the Euphrates and Tigris. *International Negotiation*, 14, pp.361–391.
4. Daoudy, M. (2013). Back to conflict? The securitization of water in Turkish–Syrian relations. In R. Hinnebusch & Ö. Tür (Eds.), *Turkey–Syria relations: Between enmity and amity* (pp.133–143). Farnham & Burlington: Ashgate Publishing.
5. Gökcan, Ö. (2018). Türkiye–Suriye ilişkilerinde bir kırılma noktası: Ekim 1998 krizi veya diğer bir ifadeyle “ilan edilmemiş savaş”. *Akademik İncelemeler Dergisi*, 13(1), s.169–198.
6. Kibaroglu, A. (2014). An analysis of Turkey’s water diplomacy and its evolving position vis-à-vis international water law. *Water International*, 40, pp.153–167.
7. Kibaroglu, A. (2002). *Building a regime for the waters of the Euphrates–Tigris river basin*. London, The Hague & New York: Brill Nijhoff [Kluwer Law International], 356 p.
8. Kibaroglu, A. (2012). Fırat–Dicle Havzası sınıraşan su politikalarının evrimi: İşbirliği için fırsatlar ve tehditler. *Ortadoğu Analiz*, 4(43), s.70–83.
9. Kibaroglu, A., & Ünver, O. (2000). An institutional framework for facilitating cooperation in the Euphrates–Tigris River Basin. *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice*, 5(2), pp.311–330.
10. Kramer, A., & Kibaroglu, A. (2011). Turkey’s position towards international water law. In A. Kibaroglu et al. (Eds.), *Turkey’s water policy: National frameworks and international cooperation* (pp.215–228). Heidelberg: Springer-Verlag.
11. Lorenz, F. M., & Erickson, E. J. (1999). *The Euphrates triangle: Security implications of the Southeastern Anatolia Project*. Washington, D.C.: National Defense University Press, 56 p.
12. Maden, T. E. (2011). Türkiye–Suriye ilişkilerinde suyun rolü. *Ortadoğu Analiz*, 3(35), s.33–40.
13. Oktav, Ö. (2017). Turkey’s water policy in the Euphrates–Tigris Basin. In M. Behnassi & K. McGlade (Eds.), *Environmental change and human security in Africa and the Middle East* (pp.239–255). Cham: Springer International Publishing Switzerland.
14. Sağsen, İ. (2011). Sektörler bazında Türkiye–Irak ilişkileri ve su. *Orta Doğu Analiz*, 3(36), s.60–72.
15. Salık, N. (2023). Çözüm arayışından çıkmaza: AK Parti döneminde Türkiye–Suriye ilişkilerinde su sorunu. *TYB Akademi Dil Edebiyat ve Sosyal Bilimler Dergisi*, 39, s.164–178.
16. Aslan, Z. et al. (Eds.). (2023). *Türkiye Cumhuriyeti tarihi–III: 1960 sonrası Türkiye (1960–2000)*. Ankara: Atatürk Araştırma Merkezi, 930 s.

17. Scheumann, W., & Schiffler, M. (Eds.). (1998). *Water in the Middle East: Potential for conflicts and prospects for cooperation*. Berlin & Heidelberg: Springer, 191 p.
18. Williams, P. (2011). Turkey’s water diplomacy: A theoretical discussion. In A. Kibaroglu et al. (Eds.), *Turkey’s water policy: National frameworks and international cooperation* (pp.197–214). Heidelberg: Springer-Verlag.
19. Zeitouna, M., & Warner, J. (2006). Hydro-hegemony: A framework for analysis of trans-boundary water conflicts. *Water Policy*, 8, pp.435–460.
20. Берлинские правила по водным ресурсам (2004). Перевод Д. Р. Зиганшина, 36 с. Retrieved from https://www.cawater-info.net/library/rus/carewib/berlin_rules.pdf
21. Правила пользования водами международных рек (1966). Подписано в Хельсинки, 9 с. Retrieved from <https://www.cawater-info.net/library/rus/water/rules.pdf>
22. Эюбов, Э. (2009). От Хельсинкских правил до Конвенции ООН о праве несудоходного использования международных водотоков 1997 г.. *Московский журнал международного права*, 2, с.186–195.

REFERENCES

1. Aldalooi, L. H. (2024). Hydro-political relations between Turkey and Iraq over the Tigris and Euphrates rivers: Dyadic relationships and structure matter. *Middle East Critique*, 33(4), 593–609. (in English)
2. Carkoglu, A., & Eder, M. (2001). Domestic concerns and the water conflict over the Euphrates–Tigris River Basin. *Middle Eastern Studies*, 37(1), 41–71. (in English)
3. Daoudy, M. (2009). Asymmetric power: Negotiating water in the Euphrates and Tigris. *International Negotiation*, 14, 361–391. (in English)
4. Daoudy, M. (2013). Back to conflict? The securitization of water in Turkish–Syrian relations. In R. Hinnebusch & O. Tur (Eds.), *Turkey–Syria relations: Between enmity and amity* (pp.133–143). Farnham & Burlington: Ashgate Publishing. (in English)
5. Gokcan, O. (2018). A turning point in Turkey–Syria relations: The October 1998 crisis, or in other words, an “undeclared war.” *Akademik Incelemeler Dergisi*, 13(1), 169–198. (in Turkish)
6. Kibaroglu, A. (2014). An analysis of Turkey’s water diplomacy and its evolving position vis-à-vis international water law. *Water International*, 40, 153–167. (in English)
7. Kibaroglu, A. (2002). *Building a regime for the waters of the Euphrates–Tigris river basin*. London, The Hague & New York: Brill Nijhoff [Kluwer Law International], 356 p. (in English)
8. Kibaroglu, A. (2012). The evolution of transboundary water policies in the Euphrates–Tigris Basin: Opportunities and threats for cooperation. *Ortadogu Analiz*, 4(43), 70–83. (in Turkish)

9. Kibaroglu, A., & Unver, O. (2000). An institutional framework for facilitating cooperation in the Euphrates–Tigris River Basin. *International Negotiation: A Journal of Theory and Practice*, 5(2), 311–330. (in English)
10. Kramer, A., & Kibaroglu, A. (2011). Turkey's position towards international water law. In A. Kibaroglu et al. (Eds.), *Turkey's water policy: National frameworks and international cooperation* (pp.215–228). Heidelberg: Springer-Verlag. (in English)
11. Lorenz, F. M., & Erickson, E. J. (1999). *The Euphrates triangle: Security implications of the Southeastern Anatolia Project*. Washington, DC: National Defense University Press, 56 p. (in English)
12. Maden, T. E. (2011). The role of water in Turkey–Syria relations. *Ortadogu Analiz*, 3(35), 33–40. (in Turkish)
13. Oktav, O. (2017). Turkey's water policy in the Euphrates–Tigris Basin. In M. Behnassi & K. McGlade (Eds.), *Environmental change and human security in Africa and the Middle East* (pp.239–255). Cham: Springer International Publishing. (in English)
14. Sagsen, I. (2011). Turkey–Iraq relations by sectors and water. *Orta Dogu Analiz*, 3(36), 60–72. (in Turkish)
15. Salik, N. (2023). From the search for a solution to a deadlock: The water issue in Turkey–Syria relations during the AK Party period. *TYB Akademi: Journal of Language, Literature and Social Sciences*, 39, 164–178. (in Turkish)
16. Aslan, Z. et al. (Eds.). (2023). *History of the Republic of Turkey – III: Post-1960 Turkey (1960–2000)*. Ankara: Ataturk Arastirma Merkezi, 930 p. (in Turkish)
17. Scheumann, W., & Schiffler, M. (Eds.). (1998). *Water in the Middle East: Potential for conflicts and prospects for cooperation*. Berlin & Heidelberg: Springer, 191 p. (in English)
18. Williams, P. (2011). Turkey's water diplomacy: A theoretical discussion. In A. Kibaroglu et al. (Eds.), *Turkey's water policy: National frameworks and international cooperation* (pp.197–214). Heidelberg: Springer-Verlag. (in English)
19. Zeitouna, M., & Warner, J. (2006). Hydro-hegemony: A framework for analysis of trans-boundary water conflicts. *Water Policy*, 8, 435–460. (in English)
20. *Berlin Rules on Water Resources*. (2004). Translated by D. R. Ziganshin. 36 p. Retrieved from https://www.cawater-info.net/library/rus/carewib/berlin_rules.pdf (in Russian)
21. *Rules on the Uses of the Waters of International Rivers (Helsinki Rules)*. (1966). Signed in Helsinki. 9 p. Retrieved from <https://www.cawater-info.net/library/rus/water/rules.pdf> (in Russian)
22. Eyubov, E. (2009). From the Helsinki Rules to the 1997 UN Convention on the Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses. *Moscow Journal of International Law*, 2, 186–195. (in Russian)